

ПОЛИТИК, УЧЁНЫЙ, ЧЕЛОВЕК

Нелли Акимовна Ермолаева,
Заслуженный учитель школы РСФСР

Моя первая встреча с Михаилом Алексеевичем Прокофьевым состоялась в ноябре 1967 года. Только что созданное Министерство просвещения СССР «квартировало» в разных зданиях и готовилось к переезду на Шаболовку. В то время меня пригласили для собеседования к руководителям Главного управления школ. Последняя встреча, которая должна была решить вопрос о моей новой работе, — с министром. Надо ли говорить, как я волновалась, идя на эту встречу? Но беседа пошла так, что волнение сразу улеглось. Михаил Алексеевич начал расспрашивать меня о школе, её проблемах, интересовался, с какими трудностями встречаются учителя, как проходит их переподготовка, насколько доступно детям преподавание. Особенно интересовало его, готовы ли учителя принять что-то новое, отказаться от стереотипов. Ответы Михаил Алексеевич выслушивал очень внимательно, серьёзно, какие-то аспекты просил уточнить, конкретизировать. Этими сведениями я владела, так как мой служебный список начинался с должности учителя и заканчивался к тому времени инспектором городского отдела образования.

Позже, влившись в коллектив Главного управления школ, я узнала, что все инспекторы — мои коллеги —

работали учителями или инспекторами отделов и хорошо знали жизнь школы.

Включаться в работу пришлось сразу. Ведь тогда перед Министерством просвещения СССР была поставлена грандиозная задача — обновить содержание школьного образования, приблизить его к достижениям современной науки, техники, культуры. К этой работе были привлечены учёные Академии наук СССР, Академии педагогических наук, лучшие методисты и учителя. К тому времени уже были созданы и утверждены новые учебные программы по всем предметам, кроме математики. Этим мне и пришлось заниматься с первых дней работы. А после утверждения новой программы надо было отбирать лучшие рукописи учебников и методических пособий, организовывать их тщательную экспериментальную проверку не только в отдельных школах, но и в районах нескольких областей. Велась массовая переподготовка учителей к переходу на новые программы. А мы, инспекторы союзного министерства, должны были стать организаторами и помощниками в этой работе. Нам легко было стать экспертами, потому что совсем недавно все мы работали в школах и чётко представляли те трудности, с которыми предстояло встретиться учителям.

На коллегии министерства при утверждении новых учебных материалов всегда поражались тому, как быстро Михаил Алексеевич схватывал суть проблемы, замечал самые трудные для понимания учителями и детьми темы, методические приёмы, чем вызывал активное обсуждение, на основе чего и принималось эффективное решение.

По силам ли была эта работа нам, молодым учителям и инспекторам, только что пришедшим из школы и не знавшим правил административной работы такого масштаба? Но в том-то и была заслуга министра, что он сразу поставил коллектив в условия достаточно большой самостоятельности. Руководители главка выслушивали наши планы, обсуждали их вместе с нами, поправляли в случае необходимости. Мы понимали, что выполняем необходимую и очень важную работу, и старались оправдать доверие. А его мы чувствовали всегда. И прежде всего — доверие министра. Михаил Алексеевич знал каждого инспектора. Наше мнение он выслушивал, принимал во внимание при решении тех или иных проблем. В самых принципиальных ситуациях — при назначении новых руководителей министерских подразделений он соглашался с мнением сотрудников.

Министр сумел создать коллектив единомышленников, весьма немногочисленный по сравнению с другими союзными и республиканскими министерствами. Его правилом было доверие к каждому и строгий спрос с каждого... С тех лет я с уважением отношусь к профессии чиновника, знаю, как много зависит от работника министерства и ведомства: верно оценивать ситуацию, правдиво информировать руководителей, понять те трудности, с которыми сталкиваются работники образования на практике. Прокофьев умел искать причину не в нерадивости исполнителей, а в собственных недоработках. И думал прежде всего о том, что сделать, чем помочь, что предусмотреть, чтобы дело сдвинулось. Этому наши руководители — Михаил Алексеевич Прокофьев, Михаил

Иванович Кондаков, Фёдор Григорьевич Паначин, Виктор Михайлович Коротов — учили и нас, молодых работников Министерства просвещения СССР.

Наши наблюдения, впечатления, догадки, самые смелые наши предложения не отвергались, а подвергались анализу, здравые суждения ложились в основу решений и действий. В те годы мы тесно общались с учёными Академии наук СССР: академики возглавляли предметные комиссии, которые предлагали Минпросу новое содержание образования. И вот что поражало в общении со светилами науки, чьи имена знал весь цивилизованный мир: Андрей Николаевич Колмогоров, Исаак Константинович Кикоин и Алексей Иванович Маркушевич очень просто общались с нами, без амбиций, без «учёного» чванства прислушивались к нашему мнению, никто из них ни разу не дал повода почувствовать огромную разницу между ними — «небожителями» — и нами, учителями и инспекторами, никто ни разу не отказал в просьбе доработать программу или учебник, облегчить изложение темы, разъяснить, а иногда улучшить его изложение.

Стиль всей работы министерства складывался благодаря Михаилу Алексеевичу. Доброжелательность, демократичность, оперативность в решении возникающих проблем, понимание нужд школы, возможность высказать своё мнение, не боясь резкого отпора, нежелания быть услышанным. Такая атмосфера была присуща всему коллективу главного штаба образовательной отрасли. Наше Главное управление школ Михаил Алексеевич считал, не побоюсь сказать это, самым главным в министерстве. Помню, как однажды при очередном отчёте Главного управления школ на коллегии нас изрядно все критиковали, допуская уничижительные характеристики, граничащие с грубостью. Михаил Алексеевич прервал очередного выступающего и жёстко сказал, что работа Главного управления школ и есть тот показатель, по которому можно судить

о Министерстве просвещения СССР в целом. И если министерство сумело положительно зарекомендовать себя в регионах, в республиках, то это заслуга прежде всего, Главного управления школ, его сотрудников и руководителей. В дальнейшем такие выпады прекратились и стиль внутренних обсуждений работы подразделений министерства стал деловым, доказательным, этически выдержанным.

Михаил Алексеевич был очень внимателен к учителям, к их опыту. Когда «Учительская газета» начала публиковать широкую пиар-кампанию об опыте учителей-новаторов, Михаил Алексеевич, положительно оценив инициативу газеты, поручил нам внимательно вникнуть в этот опыт и высказать своё мнение: правильно ли делает союзная газета, сведя опыт работы педагогов огромной страны к 6–7 именам? Особенно беспокоило предложение Виктора Фёдоровича Шаталова, который написал гневное письмо в Министерство финансов, о том, что его технология позволила бы сократить на два года школьное обучение и тем самым сэкономить государственные средства. Это был достаточно серьёзный аргумент. Для изучения его опыта была создана комиссия из научных сотрудников институтов Академии педагогических наук СССР. Руководить работой комиссии было поручено мне. Результаты тщательного изучения опыта, итоги контрольных работ и выводы комиссии не совпали с самооценкой В.Ф. Шаталова. Михаил Алексеевич, внимательно выслушав доводы комиссии, согласился с тем, что повсеместно внедрять этот опыт нецелесообразно, тем более сокращать сроки обучения в школе. Но и запрещать использовать опыт В.Ф. Шаталова ему самому и его последователям ни в коем случае нельзя — пусть экспериментируют. Надо только в педагогической печати раскрыть основные принципы его технологии, ознакомить профессиональное сообщество и общественность с тем, что и по каким предметам неприемлемо для широкого распространения. Такая статья вскоре была подготовлена и опубликована в «Учительской газете», ажиотаж вокруг опыта, неоправданных ожиданий был несколько снижен.

Одновременно с кардинальным обновлением содержания образования в школе осуществлялось введение всеобщего среднего образования:

в профессиональных училищах, техникумах вводились новые предметы, не изучавшиеся там прежде, школьные программы и учебники адаптировались к сложившемуся профессиональному образованию. При обсуждении всех этих вопросов в министерстве Михаил Алексеевич предупреждал о том, что энергия новаторства ни в коем случае не должна вредить, разрушать существующую структуру профтехобразования. Только совершенствовать его, приближать к требованиям современного производства.

Каждое слово министра, его позиция, а значит, и управленческие приоритеты Министерства просвещения СССР свидетельствуют о том, что министр — государственный до мозга костей, прекрасный знающий образовательную отрасль и её значение для развития страны. Он всегда был «в теме», к решению каждой проблемы приходил взвешенно, компетентно, в высшей степени по-государственному. Это был не только талантливейший руководитель отрасли, но и как член Правительства Советского Союза, яркий политик, ответственный и достаточно бескомпромиссный в своей позиции, основанной на интересах государства, народа и здравом гражданском смысле.

Вспоминаю, как по чьей-то жалобе в самые высокие инстанции мне пришлось знакомиться с работой Всесоюзной художественной школы при Суриковском художественном училище, почти одновременно по схожей проблеме — с работой балетного училища при Большом театре. Я впервые так близко соприкоснулась с жизнью талантливых детей, чей выбор профессии был сделан давно и на всю жизнь. Профессиональные нагрузки в учёбе были у них огромны, а закон о всеобщем среднем образовании требовал, чтобы будущие художники и балерины сдавали выпускные экзамены по математике, физике, химии по тем же текстам, что и выпускники массовой средней школы.

Я обратилась к Михаилу Алексеевичу с докладной запиской — предложением отменить в этих учебных заведениях выпускные экзамены по физико-математическим дисциплинам, заменив их творческими работами. Мои аргументы были приняты. Министерство подготовило соответствующий приказ, которым и было узаконено это нововведение.

В другой ситуации я посчитала возможным просить у министра разрешения расширить число школ, которые смогли бы работать по особому учебному плану, разрешить некоторым, хорошо зарекомендовавшим себя школам с углублённым изучением математики уменьшить наполняемость классов. И несмотря на то, что в тех условиях соблюдалось жёсткое единообразие школ, такое разрешение было дано. Случаев неформального выполнения принятых нами же законов было немало. Главное, должно быть выполнено основное условие — не навредить, руководствуясь при этом здравым смыслом.

«Болевой точкой» министерства и его руководителя всегда была сельская школа. Несмотря на укрупнение сельских школ, проведённое в начале 1960-х годов, многие из них по техническому оснащению не отвечали современным задачам. Внедряя новое содержание образования, новые программы и учебники, сотрудники министерства отслеживали, как идёт этот процесс в селе, не нарушаются ли неписанные законы справедливости по отношению к сельским детям и сельским учителям. Помню, как на одном из совещаний у министра обсуждался вопрос о закупке за рубежом компьютеров, об оснащении ими школ. Докладчик очень требовательно предлагал просить у государства средства на оснащение современной техникой городских школ. Михаил Алексеевич тут же привёл статистические данные: в стране более чем в четырёх тысячах сельских школ нет электричества, они работают при керосиновых лампах. Не они ли в первую очередь требуют государственных вливаний? С повсеместной компьютеризацией городских школ решили повременить.

И в этой ситуации позиция М.А. Прокофьева была позицией политика, ответственного за судьбу всего образования.

Мне довольно часто приходилось общаться с Михаилом Алексеевичем, когда в центральной прессе началось публичное обсуждение недостатков программ и учебников по математике. Начало дискуссии было положено публикацией резкого письма академика А.С. Понтрягина. Выработывая позицию министерства по этому вопросу, ещё раз анализировали усвоение математики в школах, степень сложности учебников, те меры, которые министерство принимало для облегчения курса и для подготовки учителей к работе по новым учебникам. Мне было поручено участвовать в обсуждении этой проблемы в Математическом институте им. В.А. Стеклова и изложить позицию министерства. Получив поддержку большинства академиков Российской академии наук института, министерство продолжило внедрение нового математического содержания в школе, разрешив в то же время использовать альтернативный учебник там, где учителя не были готовы к преподаванию нового курса школьной математики.

В те годы мы не знали, что это такое — коррупция. Однажды в министерство нам сообщили, что один из инспекторов главка обратился к сотруднику Ленинградского областного отдела образования с просьбой встретить на вокзале свою дочь и организовать ей экскурсию по городу. Инспектор министерства, хорошо справлявшийся со своими служебными обязанностями, был уволен. Коллектив это не удивило. Все в те годы чётко знали рамки дозволенного, не позволяя себе никаких «барских» поблажек ни в командировках, ни в общении с работниками нижестоящих отделов образования. С сегодняшней точки зрения, это излишний пуризм. Но тогда существовал неписанный этический кодекс государственного служащего.

То время принято сейчас называть «годами застоя». Может быть, для кого-то

они и были «застойными», но не для работников Минпроса СССР. Внедрение нового содержания образования, совершенствование новых программ и учебников, ежегодная подготовка учителей к преподаванию по новым программам — как далеко это было от застоя!..

Вводилось всеобщее среднее образования не только в школах, но и в техникумах, профессионально-технических училищах. Это требовало непосредственного участия сотрудников Главного управления школ в адаптации школьных программ к профессиональным учебным заведениям. Для облегчения работы учителей по нашей инициативе были внесены изменения в структуру учебных программ: в них были обозначены требования к знаниям, умениям и навыкам, примерные нормы оценивания знаний; стали издаваться сборники заданий для самостоятельной работы по нескольким предметам — до сих пор ими пользуются в школах. В те же годы было принято решение перейти на бесплатное обеспечение детей школьными учебниками.

А значит, предстояло многое сделать: разработать порядок замены подержанных учебников новыми; на несколько лет вперёд рассчитать, сколько понадобится новых учебников по каждому предмету; точно знать, какой срок выдержит в детских руках та бумага, на которой печатались учебники (а она была не лучшего качества). И во всей этой работе активно участвовали инспекторы и руководители подразделений Минпроса СССР. За всеми этими процессами пристально следил, руководил ими Михаил Алексеевич Прокофьев. Мне не стыдно за те годы. Школы до сих пор используют, в основном, те программы и учебники, которые прошли через наши руки. Критика в адрес школы, которая развернулась в 90-е годы, носила больше политический, чем профессиональный характер.

По-разному сложилась судьба сотрудников бывшего Министерства просвещения СССР после развала страны. Молодые ушли в республиканские структуры, многие мои коллеги стали работать в Минобразовании России и привнесли туда ту же ответственность, интерес к делу, тот же здравый смысл, умение слушать практических работников, как это было принято в союзном штабе отрасли.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Вероятно, каждый человек, проживший достаточно большую жизнь, задумывается: всё ли исполнилось в жизни из того, о чём мечталось в юности?

На этот вопрос отвечаю однозначно: да, мне посчастливилось работать в Министерстве просвещения СССР под руководством умных, талантливых, государственно мыслящих людей. И под руководством яркого политика, учёного, человека. Жизнь была интересной, увлекательно-захватывающей и, надеюсь, полезной для страны. Это чувство сопричастности государственным делам даёт мне силы жить и продолжать работать.

PS. *Ещё один штрих к характеристике М.А. Прокофьева.*

Как-то прочитала в многотиражной газете «Дружба», которая выходит в Российском университете дружбы народов (№ 1331 от 26 марта 2008 г), корреспонденцию координатора Международного комитета гражданской дипломатии, президента Международного фонда гуманитарных инициатив Николая Дико. Он вспоминает, как в 1958 году Н.С. Хрущёв в одной из международных поездок заявил, что в СССР будет создан Университет дружбы народов, в нём станут учиться юноши и девушки из всех стран мира. Вскоре было принято Постановление ЦК КПСС, начали подыскивать для университета помещение и ректора. Разместили университет в здании военной академии. «Что касается ректора, то все единодушно присоединились к предложению о назначении первого заместителя министра высшего и среднего специального образования М.А. Прокофьева... Но В.П. Елютин (министр этой отрасли) категорически заявил о том, что «не отдаст» М.А. Прокофьева, поскольку, как он сказал, «на нём держится всё министерство», и предложил в качестве ректора УДН другого своего зама». **НО**